

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2024, Том 15, № 1 / 2024, Vol. 15, Iss. 1 <https://sfk-mn.ru/issue-1-2024.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/12FLSK124.pdf>

DOI: 10.15862/12FLSK124 (<https://doi.org/10.15862/12FLSK124>)

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Балюнис, Е. В. Номинация лица женского пола по признаку матримониального статуса в русскоязычных интернет-текстах: функциональный и лингвоэкологический аспекты / Е. В. Балюнис // Мир науки.

Социология, филология, культурология. — 2024. — Т. 15. — № 1. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/12FLSK124.pdf>

DOI: 10.15862/12FLSK124

For citation:

Balyunis E.V. The female nomination on the basis of marital status in Russian Internet texts: functional and linguo-ecological aspects. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2024; 15(1): 12FLSK124.

Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/12FLSK124.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: 10.15862/12FLSK124

УДК 811.161.1

Балюнис Евгения Владимировна

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия
Доцент

Кандидат филологических наук

E-mail: evakallas@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2521-1026>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=884502

Номинация лица женского пола по признаку матримониального статуса в русскоязычных интернет-текстах: функциональный и лингвоэкологический аспекты

Аннотация. Статья посвящена гендерно маркированной лексической единице, представляющей собой аббревиатуру инициального типа от лингвоиничного устойчивого выражения «разведенка с прицепом» и активно используемой русскоязычными интернет-пользователями для обозначения лица женского пола по признаку матримониального статуса. В работе описывается история ее появления, рассматриваются особенности образования и семантики, смысловые и контекстуальные связи, а также специфика функционирования в интернет-текстах. Исследование проводится на материале авторского корпуса контекстов употребления единицы, который включает в себя 1 255 речевых произведений, опубликованных в период с 2014 по 2023 гг. в коммуникативном пространстве таких социальных платформ, как LiveJournal (425 единиц), ВКонтакте (336 единиц), YouTube (190 единиц), Яндекс.Дзен (173 единицы). Применяются методы количественного, семантического, концептуального, словообразовательного, контекстуального и дискурсивного анализа. Устанавливается, что гендерно маркированная аббревиатура образована от устойчивого лингвоиничного словосочетания, употреблявшегося в устной разговорной речи мужчин до повсеместного распространения Интернета. Выявляется, что использование аббревиатуры подчеркивает артефактную концептуальную метафору, порождаемую исходным фразеологическим сочетанием. Деанимизация разведенной матери регулярно усиливается контекстным окружением аббревиатуры. Устанавливается, что в 1 175 контекстах (93,62 %) вербализируются представления продуцента о финансовой составляющей интимных,

романтических или семейных отношений, что связано с актуализацией потребительской стратегии в межличностных отношениях и повсеместным распространением философии консьюмеризма. Доказывается, что употребление рассматриваемой единицы характерно для пользователей мужского пола (982 контекста; 78,24 %) и нетипично для женской речи (270 контекстов; 21,51 %). В речи интернет-пользовательниц аббревиатура прежде всего выполняет метаязыковую функцию и значительно реже — номинативную и оценочную. В интернет-текстах, продуцентами которых являются мужчины, рассматриваемая номинация способствует не только экспликации негативной оценки разведенной женщины с ребенком, но и деконструкции, деаксиологизации и десакрализации концепта «Мать». Это позволяет квалифицировать аббревиатуру как лингвоперверсив — особый вид языковой травмы, речевой феномен, порождающий амбивалентность традиционного символа и приводящий к деструкции картины мира.

Ключевые слова: гендерный интернет-дискурс; гендерная картина мира; маскулинизм; языковая травма; лингвоперверсив; номинация лица женского пола; аббревиатура

Введение

Распространение Интернета нередко ставится в один ряд с такими значимыми для человечества событиями, как появление письменности или изобретение книгопечатания. Интернет-технологии порождают специфическое коммуникативное и лингвокультурное пространство, представляющее собой принципиально новую динамически расширяющуюся и постоянно усложняющуюся сферу функционирования языка. Первые исследователи-гуманитарии, осмыслившие Интернет как социальный феномен, называли его «новым рубежом» (New Frontier) [1–3], сравнивали киберпространство с Сибирью [4; 5], с Диким Западом¹, а первых интернет-пользователей называли «компьютерными ковбоями» [3], «исследователями цифрового мира» [6]. Неоднократно отмечалось, что киберсреда может способствовать появлению новых способов социального взаимодействия и форм культуры [4; 5; 7]. Однако в более поздних исследованиях все чаще и чаще подчеркивается токсичный характер киберпространства [8–10], способствующего актуализации речевой агрессии и навязыванию стереотипных представлений [11; 12], а также распространению экстремистских идей [13]; оговаривается необходимость обеспечения информационной безопасности в новых коммуникативных условиях [8; 14]. Нельзя не признать, что коммуникативное и лингвокультурное интернет-пространство, являясь недостаточно осмысленным и определенным с точки зрения традиционной этики и морали, носит рискогенный характер. Порождаемые им риски затрагивают как языковую систему (на уровнях графики и орфографии, морфологии, словообразования и т. д.), так и национальную картину мира с ее ключевыми ценностями и антиценностями, что приводит к возникновению не только языковых и коммуникативных, но также и социальных рисков.

Неотъемлемой частью национальной картины мира является система гендерных представлений носителей языка. Гендерная картина мира определяется как «модель отношения к положению женщины и мужчины в мире» [15, с. 117], «упорядоченная, непротиворечивая и внутренне связанная, структурированная совокупность существующих в обыденном сознании языковых и культурных ориентаций, ценностей, установок, идеалов, в которых находит отражение языковая и культурная дифференциация полов» [16, с. 35]. Ее ключевыми категориями являются находящиеся в бинарной оппозиции концепты маскулинности (мужественности) и фемининности (женственности); они «характеризуют половые различия с социокультурной стороны», включают в себя «социальные представления и стереотипы о

¹ Barlow J.P. Crime and puzzlement // Earth Review. — 1990. — URL: <https://www.eff.org/pages/crime-and-puzzlement>.

мужском и женском, нормы и модели поведения, предписываемые мужчинам и женщинам» [17, с. 43–44], формируются и поддерживаются посредством культурно значимых текстов художественной литературы и фольклора, ретранслируются и в той или иной степени трансформируются в дискурсе массовой культуры и в повседневных речевых практиках (в том числе и интернет-опосредованных).

Интернет-сообщество вырабатывает собственную систему гендерно маркированных единиц, включающую лексические инновации игровой природы, неодериваты, неосеманты, идиомы и тяготеющие к устойчивости словосочетания, которые способствуют репрезентации гендера и вербализации ключевых гендерных категорий. Многие из этих инноваций создаются и употребляются членами гомогендерных социальных объединений (маскулистов/маскулинистов, феминисток), появляются на женских и мужских форумах, а затем, получая широкое распространение, входят в узус неформальной интернет-коммуникации и даже попадают на страницы официальных СМИ. Другие же имеют давнюю историю, функционируя в низовых городских речевых практиках в течение многих десятилетий и обретая новую жизнь в интернет-текстах, при этом представляется затруднительным установить даже примерное время их появления и период активного функционирования в силу того, что подобные элементы всегда использовались исключительно в устной речи, практически не проникая в язык СМИ и художественной литературы из-за своей экспрессивности. Интернет-коммуникация с ее установкой на лингвокреативность и свободу речевого поведения способствует широкому распространению и закреплению в узусе гендерно маркированных лексических единиц с ярко выраженной оценочностью. В настоящем исследовании рассматриваются особенности функционирования в интернет-текстах инициальной аббревиатуры *PCII*, представляющей собой сокращение лингвоциничного устойчивого выражения *разведенка с прицепом* и активно употребляющейся в различных сегментах коммуникативного пространства Рунета для обозначения лица женского пола по признаку матримониального статуса. Цель исследования состоит в описании лексической семантики единицы *PCII* как вербализатора категории фемининности, выявлении ее словообразовательных, смысловых и дискурсивных связей, а также в установлении функций, реализуемых ею в интернет-текстах.

Материалы и методы

Исследование проводится на материале текстов, опубликованных в коммуникативном пространстве интернет-ресурсов, размещающих пользовательский контент, — социальных платформ (социальных сетей): *Яндекс.Дзен*, *LiveJournal*, *YouTube*, *ВКонтакте*. Был составлен корпус контекстов употребления, полученных по запросу *PCII* с помощью встроенных поисковых систем указанных ресурсов. В авторский корпус входит 1 255 контекстов, из них 425 единиц извлечено из дневниковых записей *LiveJournal*, 336 — из постов, размещенных в открытых сообществах и на персональных страницах *ВКонтакте*, 190 — из названий и метаописаний видеороликов *YouTube*, 173 — из текстовых (собственно вербальных) и видеоматериалов *Яндекс.Дзен*. Проанализированные интернет-тексты были размещены в Глобальной Сети в период с 2014 по 2023 гг. включительно и представляют собой речевые произведения как рядовых интернет-пользователей, так и членов так называемого мужского движения — виртуального социального объединения активистов, отстаивающих права мужчин. Для анализа были выбраны публикации, сделанные на социальных платформах, поскольку в настоящее время именно эти ресурсы представляют собой наиболее популярные и востребованные коммуникативные площадки, вербальное взаимодействие в рамках которых является неотъемлемой частью повседневных речевых практик носителей русского языка. В статье также рассматриваются, но не включаются в корпус публикации сторонних ресурсов (официальных онлайн-СМИ, онлайн-кинотеатров и библиотек), так как они создаются

профессиональными коммуникаторами и относятся к коммерческому сегменту Рунета. В работе также используются данные Национального корпуса русского языка и Google Books Ngram Viewer. Помимо корпусного и количественного анализа, применяются методы семантического, концептуального, словообразовательного, контекстуального и дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждение

Гендерно маркированная лексическая единица *РСП* представляет собой аббревиатуру инициального типа устойчивого фразеологического сочетания *разведенка с прицепом*, употребительного в мужских речевых практиках по меньшей мере в течение последних шести десятилетий. Так, информанты мужского пола 1960-х гг. рождения говорят, что им хорошо знакома эта идиома, они слышали ее еще в детстве или в подростковые годы в устной разговорной речи мужчин поколения их родителей, а также указывают на существование таких вариантов, как *разведенка с грузом* и *грузеная*, также использовавшихся в мужской речи для уничижительного обозначения женщины, в одиночку воспитывающей ребенка после развода. Информанты также отмечают негативно-оценочный, уничижительный и пренебрежительный характер идиомы *разведенка с прицепом*, использовавшейся для обозначения легко доступной женщины, ищущей мужского внимания. Информанты женского пола сообщают, что им знакома эта идиома, но затрудняются обозначить даже примерное время ее появления и распространения, при этом подчеркивают, что она характерна для мужской речи, и негативно оценивают мужчин, называющих женщин подобным образом.²

Устойчивое наименование *разведенка с прицепом* отсутствует в материалах как НКРЯ, так и Google Books Ngram Viewer, однако присутствует его опорное слово — универбат *разведенка*. По запросу *разведенка* НКРЯ находит 58 примеров из 44 текстов.³ Самый ранний текст датируется 1934 г., до середины 1990-х гг. фиксируются единичные контексты, далее число вхождений растет. Номинация *разведенка* встречается в произведениях Василия Аксенова, Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Бориса Пильняка, Бориса Пастернака, Дины Рубиной, Виктории Токаревой. 75,86 % контекстов выбрано из текстов художественной литературы, при этом в произведениях мужчин единица встречается чаще (56,90 %). Согласно данным Google Books Ngram Viewer, самый ранний контекст датируется 1910 г., затем фиксируются единичные вхождения, количество употреблений растет с 1960-х гг., в последние два десятилетия наблюдается резкий рост.⁴ Увеличение количества фиксируемых употреблений может объясняться причинами как собственно технического характера (изменение общего объема оцифрованных материалов), так и дискурсивного (демократизация и жаргонизация СМИ, расширение тематики журналистских публикаций), а также социального (изменение матримонильных предпочтений носителей русского языка, формирование в обществе более лояльного отношения к разводу).

Единица *прицеп*, входящая в состав устойчивого словосочетания, является метафорическим обозначением ребенка, родившегося в браке, который впоследствии распался.

² Из неопубликованного архива автора. Опрос проводился среди жителей г. Ростова-на-Дону. В опросе приняли участие 10 человек 1950-х — 1960-х гг. рождения: 5 мужчин и 5 женщин.

³ <https://ruscorpora.ru/results?search=CsgBEqQBCqEBChIKCWRpc2FtYm1vZBIFCgNhbGwKFWoHZGldG1vZBIMCgp3aXRoX3plcm9zEnIKHQoDbGV4EhYKFNGA0LDQI9Cy0LXQ0tNC10L3QutCwCgoKBGZvcn0SAgoACgsKBWdyYw1tEgIKAAoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlBS1tb2QSCgolc2VtfHNlbnXgKCCoDc3luEgIKAAoLCgVmbGFncxICAgAqGAoICAAQChgyIAoOBSAAQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQEwAQ==>.

⁴ https://books.google.com/ngrams/graph?content=разведенка&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3&case_insensitive=true.

В разговорной речи и в отражающих повседневную речь художественных и публицистических текстах она используется для указания на нечто дополнительное, неосновное, в том числе и на человека, участвующего в чем-либо вместе с кем-то другим, например: *Я не один — с прицепом. — С женой?*⁵; *А потом, ведь в России пьют «пиво с прицепом» — то есть с водкой.*⁶ В некоторых контекстах, вошедших в НКРЯ, лексема употребляется для обозначения ребенка разведенной женщины, оказавшейся в бедственном положении: *Когда Ритку привезли из роддома, дядя Сёма заставил себя нанести визит <...> теперь, когда Ритка с прицепом унижена и приструнена, и никому, кроме родного дядьки, болеющего за всех душою, не нужна, — вот теперь он может явиться, строгий и неумолимый.*⁷ Очевидно, что подобное словоупотребление носит регулярный характер.

Устойчивое словосочетание *разведенка с прицепом* порождает артефактную концептуальную метафору, основанную на отсылке к внеязыковой ситуации, вызывающей негативные эмоции у любого автолюбителя: транспортным средством с прицепом тяжело и неудобно управлять, на нем сложнее и опаснее совершать маневры, такой автомобиль заставляет других участников движения ехать медленнее или идти на обгон, он «создает» проблемы на дороге, «мешает» получать удовольствие от езды и самому водителю, и всем окружающим. Высказывание, в котором имеет место сопоставление человека и тем более ребенка с неодушевленным предметом, является лингвоциничным — таким, которое содержит «циничное, то есть противоречащее нормам нравственности и благопристойности нигилистическое, унижающе-глумливое отношение к тому, что представляет собой более или менее общепризнанную ценность (общечеловеческую, национальную, корпоративную, личностную)» [18, с. 53]. О распространенности идиомы в речи современников может говорить тот факт, что она используется в составе заголовков публикаций таких уважаемых изданий, как *Psychologies*⁸ и *Газета.Ru*⁹, а также встречается в названии сериала¹⁰ и рассчитанной на широкий круг читателей книги по популярной психологии.¹¹ Следует отметить, что в указанных текстах нет негативной оценки обозначаемого лица. Авторы публикаций говорят о том, что имеющая ребенка разведенная женщина может встретить любовь и обрести счастье. Главная героиня сериала позиционируется как исключительно положительный персонаж, который должен вызвать у зрителей однозначную симпатию. Однако подобное словоупотребление в речевых произведениях, рассчитанных на массовую аудиторию, способствует дальнейшему закреплению единицы в повседневных речевых практиках, поскольку у читателя/зрителя может создаться впечатление, что лингвоцинизм — это норма, нечто общеупотребительное и, как следствие, дозволенное и уместное. Именно таким образом

⁵ Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019 // НКРЯ <https://ruscorpora.ru/results?search=CkwqIQoICAAQChgyIAoQBSAAKK6Sg%2FCngtMMQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCIAoeChwKA3JlcRIVChPRgSDQv9GA0LjRhtC10L%2FQvtC8MAE%3D>.

⁶ Мария Петрова. Пиво заказывали? (2003) // «Совершенно секретно», 01.09.2003 // НКРЯ <https://ruscorpora.ru/results?search=CkwqIQoICAIQChgyIAoQBSAAKK6Sg/CngtMMQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCIAoeChwKA3JlcRIVChPRgSDQv9GA0LjRhtC10L/QvtC8MAE=>.

⁷ Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009) // НКРЯ <https://ruscorpora.ru/results?search=CkwqIQoICAEQChgyIAoQBSAAKK6Sg/CngtMMQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCIAoeChwKA3JlcRIVChPRgSDQv9GA0LjRhtC10L/QvtC8MAE=>.

⁸ <https://www.psychologies.ru/standpoint/razvedenka-s-pritsepom-ne-prigovor-a-manipulyatsiya-obshchestvennyim-soznaniem/>.

⁹ <https://www.gazeta.ru/family/2023/03/18/16411525.shtml>.

¹⁰ <https://www.kino-teatr.ru/kino/movie/ros/172116/annot/>.

¹¹ <https://www.litres.ru/book/ashira-haan/razvedenka-s-pritsepom-67724028/>.

ослабляется критическое отношение языкового коллектива к фактам нарушения этических норм в речи.

Идиома *разведенка с прицепом* часто встречается в разного рода интернет-текстах первого десятилетия XXI века, однако ее сокращенный вариант *PCП* входит в употребление только в середине 2010-х гг. Среди интернет-пользователей бытует мнение, что рассматриваемая аббревиатура появляется в открытой переписке участников форума antiwoman.ru и носит локальный характер, а широкое распространение получает в 2011 г. благодаря посту Дмитрия Селезнева, одного из наиболее авторитетных активистов мужских движений Рунета. Интернет-сайт antiwoman.ru, на котором и начало оформляться русскоязычное виртуальное движение маскулинистов, объединил пользователей мужского пола, разочарованных в романтических и семейных отношениях и по этой причине негативно настроенных по отношению к женщинам. Для опосредованного общения в условиях форума характерно, пусть и в меньшей степени по сравнению с чат-коммуникацией, использование аббревиатур. 2000-е — 2010-е годы — время активного заимствования, распространения, адаптации и метаязыкового осмысления в русскоязычной интернет-коммуникации англоязычных по происхождению и интернациональных по характеру функционирования аббревиатур, отличительной особенностью которых является «сокращение не только терминов, но и часто употребляемых в разговорной речи словосочетаний и целых предложений», а также включение в состав аббревиатуры не только полных, но и служебных слов [19]. Русскоязычные пользователи активно употребляют как заимствованные из английского языка единицы, так и их русские эквиваленты и кальки, а также уникальные для Рунета новообразования, переосмысливают их в игровом ключе, публикуют словники интернет-специфичных аббревиатур и создают свои собственные сокращения, актуальные для каждого конкретного коммуникативного субпространства (форума, чата, тематического сайта и т. д.). По всей видимости, единица *PCП*, являющаяся сокращением наиболее актуального и часто используемого на маскулинистском форуме сочетания, в первую очередь выполняла номинативную и компрессивную функции, способствуя экономии усилий пользователей, вынужденных регулярно печатать неоднословную номинацию. В самом раннем из доступных в настоящее время вариантов поста Дмитрия Селезнева (датирован 2013 г.) единица *PCП* отсутствует, автор использует словосочетание *разведенка с ребенком*, вынесенное в заголовок материала: *Шесть причин не жениться на разведенке с ребенком*.¹² В репостах публикации, быстро распространившейся среди участников виртуальных мужских движений, нейтральное *ребенок* заменяется артефактной метафорой *прицеп*: *Шесть причин не жениться на разведенке с прицепом*.¹³ Уже в 2014 г. в распространяемых вариантах исходного текста появляется аббревиатура: *Шесть причин не жениться на PCП*.¹⁴ Вероятно, именно в 2014 г. единица *PCП* выходит за рамки речевых практик участников форума antiwoman.ru и становится известной широкому кругу интернет-пользователей, именно этим годом датируются наиболее ранние доступные контексты ее употребления. Распределение по годам вошедших в корпус контекстов представлено на графике (рис. 1) и выглядит следующим образом: 2014 г. — 9 контекстов (0,72 % от общей выборки); 2015 г. — 36 (2,87 %); 2016 г. — 46 (3,66 %); 2017 г. — 38 (3,03 %); 2018 г. — 57 (4,54 %); 2019 г. — 105 (8,36 %); 2020 г. — 83 (6,61 %); 2021 г. — 130 (10,36 %); 2022 г. — 115 (9,16 %); 2023 г. — 636 (50,68 %). Широкое распространение единицы *PCП* в

¹² Здесь и далее сохраняются авторская орфография и пунктуация. Все цитируемые интернет-тексты были опубликованы в открытых источниках. Автор статьи и редакция журнала не разделяют позицию продуцентов. Цитирование осуществляется исключительно в научно-исследовательских целях. Проведенный анализ направлен на выработку стратегий противодействия провокационной медийной деятельности. — URL: <https://masculist.ru/bl ogs/post-12.html>.

¹³ <https://oladuh1.livejournal.com/33794.html>.

¹⁴ <https://pavon.kz/post/view/31350>.

узусе неформальной интернет-коммуникации обуславливается популярностью идей мужских движений, увеличением количества их участников, появлением новых коммуникативных площадок, пропагандирующих идеи маскулинизма, востребованностью маскулинистской идеологии среди интернет-пользователей мужского пола и возникновением общественной дискуссии о маскулинизме и мизогинных речевых практиках.

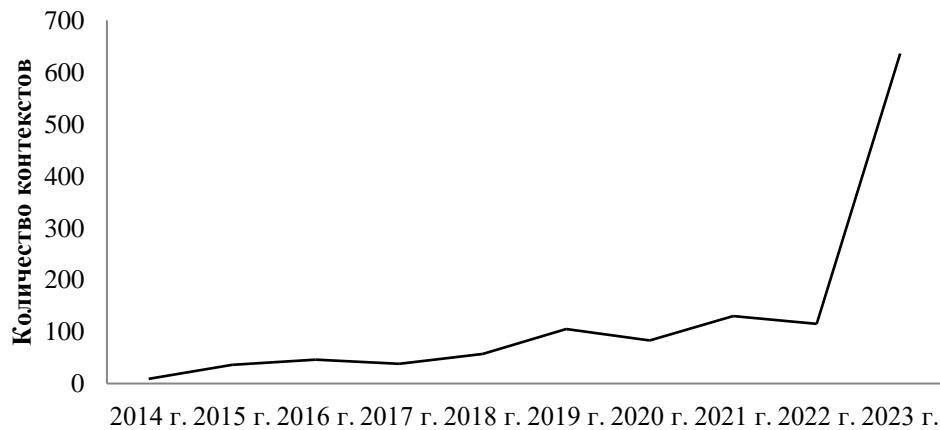


Рисунок 1. Рост количества употреблений единицы РСП в интернет-текстах (график составлен автором на основе количественного анализа данных корпуса)

Анализ данных составленного корпуса показывает, что употребление инновации РСП характерно для мужчин и нетипично для женщин. Диаграмма (рис. 2) наглядно демонстрирует разницу между количеством текстов, созданных мужчинами и женщинами. Интернет-пользователи мужского пола являются авторами 982 речевых произведений, вошедших в корпус, что составляет 78,24 % от общей выборки, в то время как всего лишь 270 (21,51 %) контекстов корпуса созданы женщинами, в трех случаях (0,24 %) установить пол продуцента не представляется возможным. Следует отметить, что женщины используют аббревиатуру РСП совсем не так, как это делают мужчины. Значительная часть женских контекстов (157 единиц, 58 %) представлена высказываниями, в которых рассматриваемая единица является объектом эксплицитной метаязыковой рефлексии и получает резко отрицательную оценку. Это позволяет предположить, что она появляется в женской речи как реакция на уже существующие практики говорения, а ее употребление обусловлено потребностью пользовательниц в этической оценке речи мужчин. Единица РСП без сопутствующего метаязыкового суждения, содержащего негативную оценку лексической единицы, фиксируется лишь в 73 вошедших в корпус контекстах (5,8 % от общей выборки, 27 % всех высказываний, созданных женщинами). В 14 случаях (1,12 % от общей выборки, 5,19 % женских контекстов) единица используется в качестве самономинии. В 8 контекстах (0,64 % от общей выборки, 3 % женских высказываний) она употребляется для указания на разведенного отца, т. е. используется для вербализации матримониального статуса мужчины. Негативная оценка разведенной матери присутствует в 55 (4,4 % от общей выборки, 20,4 % женских высказываний) речевых произведениях интернет-пользовательниц. Таким образом, в речи женщин аббревиатура РСП прежде всего выполняет метаязыковую функцию, а номинативную и оценочную — значительно реже.

В интернет-текстах активистов мужских движений единица РСП нередко снабжается метаязыковым комментарием с расшифровкой, что свидетельствует о том, что экономия времени и усилий при наборе текста не является первостепенной задачей. Пользователи испытывают необходимость в краткой и емкой номинии определенной категории женщин, а также в усилении негативной оценки описываемых лиц.



■ Продюцент – мужчина ■ Продюцент – женщина ■ Пол продюцента не установлен

Рисунок 2. Распределение вошедших в корпус контекстов по полу продюцента (диаграмма создана автором на основе количественного анализа данных корпуса)

Обозначение человека с помощью инициальной аббревиатуры в тексте, не относящемся к официально-деловому или научному стилю, выглядит парадоксальным и даже гротескным, оно способствует деанимизации, расчеловечиванию не только чужого дитя, но и самой женщины. Резко отрицательное отношение к разведенной матери присутствует в большинстве контекстов, вошедших в авторский корпус (1 006 высказываний, что составляет 80,16 % от общей выборки). В текстах, манифестирующих маскулинистский дискурс, аббревиатура выполняет не только оценочную функцию, но и является устойчивым средством категоризации действительности (для маскулинистов *PCП* — это именно категория, класс женщин), способствуя вербализации маскулинистской идеологии посредством экспликации представлений виртуального социального объединения о дефектной женственности. *PCП* — это одна из самых распространенных и известных за пределами маскулинистских коммуникативных площадок аббревиатур, используемых активистами для маркирования женщин, с которыми не следует вступать в романтические отношения. Вместе с ней в одном контексте часто используются и другие лингвоциничные номинации лица женского пола (аббревиатуры, зооморфные метафоры, обсценизмы и т. д.), например: *PCП* — это как правило *среднеранговая (стерва, CP [среднеранговая], бытовая проститутка, СДС [..., дура, стерва]) или низкоранговая (НР, ...) самка*¹⁵; *Правила при выборе женщины и жены <...> Не брать в жены PCП, СДС, проблемных ОЖП [особей женского пола] из бабьих ям, истеричек, п...ей, старых и т.п.*¹⁶ Артефактная метафора регулярно поддерживается и актуализируется окружающим контекстом. Так, маскулинисты вводят понятие *деморежим (демоверсия, демка, а также варианты демо режим, демо-режим, демонстрационная версия)*, заимствованное из речи компьютерщиков и инженеров. *Деморежим* — это демонстрационная версия компьютерной программы или программного обеспечения, а также демонстрационный режим технического устройства (видеокамеры, фотоаппарата, кассового оборудования и т. п.), позволяющий потенциальному пользователю оценить возможности продукта и принять решение о его приобретении. Маскулинисты называют деморежимом *временное идеальное поведение партнёра в начале отношений*.¹⁷ Нередко встречаются определения, подобные следующему: *Демо-режим — это короткое театрализованное шоу, используемое PCП для*

¹⁵ https://humans-ethology.com/forum/?PAGE_NAME=read&FID=18&TID=100&TITLE_SEO=100-razvedenka-s-pritsepom-mat-odinochka.-ne-svyazyvaytes-s-nimi.

¹⁶ <https://kubikknorr.livejournal.com/3092.html>.

¹⁷ <https://dzen.ru/a/YkwziDVeHD-rAGvG>.

приманивания и привязки к себе мужчины. Срок действия демо-режима от 3 до 12 месяцев. В этот период РСП характеризуется повышенной сексуальностью, высокой хозяйственностью, избыточной нежностью и покладистостью. Полезность РСП для мужчины состоит в использовании её демо-режима. Для дальнейших отношений РСП как правило не только непригодна, но и смертельно опасна! Будьте осторожны!¹⁸ В описании поведения одинокой женщины с ребенком используются лексические единицы, морфологические категории и синтаксические конструкции, которые могли бы встретиться в инструкции по эксплуатации прибора или механизма (используемое..., срок действия, характеризуется..., полезность... состоит в использовании...), особенности поведения и личные качества человека преподносятся как технические характеристики прибора (повышенная сексуальность, высокая хозяйственность, избыточная нежность и покладистость), причем прибора, чрезвычайно опасного (Для дальнейших отношений РСП как правило не только непригодна, но и смертельно опасна! Будьте осторожны!). Посты, посвященные таким женщинам, могут содержать в заголовке или подзаголовке устойчивые сочетания *инструкция по применению* или *инструкция по эксплуатации*. В некоторых контекстах женщина сопоставляется с территорией, неким физическим пространством, которое может быть использовано мужчиной в своих интересах. Характерным примером является блогпост под заголовком *Мужчина и РСП. Профит*¹⁹, в котором автор, пишущий под псевдонимом *Оладух без курицы*, рассуждает о возможности использования разведенных женщин для решения жилищных и финансовых проблем. Блогер называет женщин *РСП-плацдармами*, *вакантными РСП*, а знакомства с ними — *поступлениями новых РСП*, и утверждает, что, *если мужчина умеет включать мозг, то даже такому мусору как РСП, можно найти разумное применение*. Необходимо отметить, что в абсолютном большинстве вошедших в корпус контекстов (1 175 единиц, что составляет 93,62 % всех вхождений) тем или иным образом вербализируются представления продуцента о финансовой составляющей интимных, романтических или семейных отношений, это характерно не только для мужских, но и для женских высказываний. Подобное словоупотребление является маркером идеологии консьюмеризма и актуализации потребительской стратегии в межличностных отношениях. Исследователи определяют современный консьюмеризм не только как социально-экономический, но и как морально-этический феномен, который оказывает «деструктивное влияние <...> на ценностную структуру общества», «конвертирует все ценности в единое унифицирующее измерение потребительской ценности» [20, с. 201].

Анализ массива контекстов употребления аббревиатуры показывает, что РСП часто ассоциируется с опасностью, угрозой жизни и здоровью, например: *Жизнь с РСП — это смерть*²⁰; *Темная правда, мифы и опасности отношений с РСП*²¹; *РСП в поисках жертвы*.²² В гендерном интернет-дискурсе дефектная фемининность быстро преобразуется в фемининность враждебную и даже демоническую: разведенную женщину называют *монстром*, *чудовищем*, *кровососом*, *кровопийцей* — зловредным существом, которое *высасывает, выкачивает, вытягивает* из партнера (как бывшего, так и настоящего) *деньги, силы, ресурсы*. Что касается синтаксической роли инновации РСП, то в интернет-текстах она

¹⁸ <https://www.yaplakal.com/forum2/topic2085279.html#:~:text=РСП%20-%20разведенка%20с%20прицепом.&text=Демо-режим%20-%20это%20короткое%20театрализованное,хозяйственностью%20%20избыточной%20нежностью%20и%20покладистостью.>

¹⁹ <https://oladuh1.livejournal.com/142847.html>.

²⁰ <https://mymensclub.ru/md-pubs/226-zhizn-s-rsp-eto-smert.html>.

²¹ <https://telegra.ph/Nnvpz-11-29>.

²² https://www.reddit.com/r/Pikabu/comments/le9ug0/рсп_в_поисках_жертвы/?rdt=53481.

достаточно часто (около 45 % от общей выборки) встречается в предложения бытийного типа *PCII* — это *X*, где *X* представлен экспрессивно-оценочной единицей без семы ‘человек’: *зашквар, брак, онкомаркер, дно, днище, приговор, диагноз*. В тех же контекстах, где аббревиатура является грамматическим подлежащим с ролью Агенса, она комбинируется со следующими глагольными словосочетаниями: *ищет спонсора, воспринимает мужчину как дойную корову, содержит на алименты нового мужчину, тянет деньги, сталкивает мужчин лбами, привязывает к себе мужчину ребенком, манипулирует мужчиной, пытается доминировать над мужчиной, включает деморежим*. В мужских высказываниях *PCII* характеризуется как *безответственная, ущербная, подлая, потасканная, б/ушная, агрессивная, доминирующая*. Таким образом, присутствующая в семантике лексической единицы негативная оценка лица женского пола многократно усиливается за счет окружающего контекста.

В маскулинистских текстах последовательно создается представление об определенном типе (классе, категории) женщин, не только заслуживающих порицания, но и якобы представляющих угрозу безопасности мужчины. Артефактная метафора, регулярно актуализируемая окружающим контекстом, способствует созданию у читателя обобщенного образа дефектной фемининности и дефектного материнства. В гендеризированном интернет-тексте концептуальная метафора функционально сближается с метафорой политической, которая «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [21, с. 135]. Закрепление в речевой практике экспрессивного негативно оценочного вербализатора концепта «Мать» способствует деаксиологизации последнего. В гендерной картине мира маскулинистского интернет-дискурса концепт «Мать» является одной из смысловых доминант, ключевой антиценностью, противопоставляемой важнейшей аксиологеме традиционной картины мира. В связи с этим лексическая единица *PCII* может быть отнесена к лингвоперверсивам, т. е. к «языковым и речевым фактам, негативно влияющим на языковую картину мира», искажающим ее [22, с. 72]. А.П. Сковородников и Г.А. Копнина определяют лингвоперверсивы как один из видов языковой травмы: это «явления, которые связаны с искажением нормативной семантики слов (например, смысловая амбивалентность терминов и традиционных символов в их языковом выражении (в частности их десакрализация)» [22, с. 72]. В качестве примеров лингвоперверсивов ученые приводят такие характеризующиеся смысловой и оценочной амбивалентностью слова и словосочетания, как *общечеловеческие ценности, национальная идея, гражданское общество, амбициозный*, а также относят к лингвистической перверсии стилевую диффузию, десакрализацию топонимов и антропонимов, являющихся языковым выражением национальных символов, посредством их реноминации и дискредитации [22, с. 73–75]. Таким образом, исследователи квалифицируют как лингвоперверсивы широкий круг явлений, эти явления «объединяет их перлокутивный эффект, направленный на трансформацию прежде всего картины мира и национального языкового сознания» [22, с. 76]. По мнению ученых, эти языковые и речевые феномены «могут выступать средством идейного противоборства» [22, с. 76]. Мы считаем, что фразеологическая инновация *разведенка с прицепом* и образованная на ее основе лексическая инновация *PCII*, регулярно используемые для обозначения лица женского пола по признаку матримониального статуса, также являются лингвоперверсивами, поскольку они представляют собой вербальные средства дискредитации и десакрализации обобщенного образа матери, способствуют деконструкции концепта «Мать», репрезентируя его как антиаксиологему, участвуют в формировании альтернативной картины мира и отчуждении картины мира традиционной.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что коммуникативное и лингвокультурное интернет-пространство, представляющее собой принципиально новую сферу функционирования естественного языка, становится средой существования гендерно ориентированных речевых практик, которые, с одной стороны, несут на себе печать существующих в обществе конфликтов (гендерного, социального, экономического), а с другой — способствуют их дальнейшей эскалации. В интренет-среде появляются (актуализируются) и распространяются лексические и фразеологические инновации, которые не только способствуют вербализации базовых гендерных категорий и гендерно маркированных концептов, но и приводят к деконструкции и десакрализации важнейших аксиологем русского языкового сознания. Одной из таких инноваций является аббревиатура инициального типа *PCП*, образованная от разговорного лингвоциничного сочетания *разведенка с прицепом*, которое в течение долгого времени имело ограниченное употребление. Являясь емким и кратким обозначением лица женского пола по признаку матримониального статуса, единица *PCП* выполняет номинативную и оценочную функции, а также функцию категоризации действительности. Являясь вербализатором антиаксиологемы, имеющей особое значение в альтернативной картине мира маскулинистского дискурса, она способствует реализации идеологической функции. Характерная для мужской речи единица все чаще и чаще встречается в интернет-текстах, продуцентами которых являются женщины, при этом она не только употребляется в метаязыковых высказываниях, но и используется для самономинации и обозначения мужчин, что, наряду с данными количественного анализа материалов корпуса, свидетельствует о широком распространении аббревиатуры в интернет-опосредованных речевых практиках и ее вхождении в узус интернет-коммуникации. Возникновение и активное употребление подобных единиц свидетельствуют о социальном кризисе, который переживает русскоязычное сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Danet B., Ruedenberg-Wright L., Rosenbaum-Tamari Y. «Hmmm... Where's That Smoke Coming From?»: Writing, Play and Performance on Internet Relay Chat // Journal of Computer-Mediated Communication. — 1997. — Т. 2. — № 4. — URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1083-6101.1997.tb00195.x/full>.
2. Rheingold H. The virtual community: Homesteading on the electronic frontier. — Reading, MA: Addison-Wesley, 1993. — 281 с.
3. Hafner K., Markoff J. Cyberpunk: Outlaws and Hackers on the Computer Frontier. — New York: Simon and Schuster, 1991. — 400 с.
4. Rushkoff D. Cyberia: life in the trenches of cyberspace. — London: Flamingo / HarperCollins Publishers, 1994. — 196 с.
5. Escobar A. Welcome to Cyberia: notes on the anthropology of cyberculture // Current Anthropology. — 1994. — №3. — С. 211–231.
6. Levy S. Hackers: Heroes of the Computer Revolution. — Garden City, NY: Doubleday, 1984. — 458 с.
7. Lévy P. Cyberculture. — Minneapolis: The University of Minnesota Press, 2001. — 259 с.
8. Wilhelm C. Gendered (in)visibility in digital media contexts // Studies in Communication Sciences. — 2021. — Т. 21. — № 1 — С. 99–113.

9. Goodhew S.C., Reynolds K., Edwards M., Kidd E. The content of gender stereotypes embedded in language use // *Journal of Language and Social Psychology*. — 2021. — Т. 41. — № 2. — С. 219–231.
10. Ze T.K., Pannerselvam I.B. Reinforcing or resisting? A study on the influence of Internet memes on sexism among university students in Penang // *Journal of Contemporary Issues in Media and Communication*. — 2021. — № 1. — С. 1–31.
11. Akalili A., Sari I.O. Women and gender stereotyping in media from the point of view of structuration theory // *Journal of Social Studies*. — 2021. — Т. 17. — № 2. — С. 165–178.
12. Álvarez D., González A., Ubani C. The portrayal of men and women in digital communication: content analysis of gender roles and gender display in reaction GIFs // *International Journal of Communication*. — 2021. — № 15. — С. 462–292.
13. Criezis M. ‘Many Sisters Wish They Were Men’: Gendered Discourse and Themes in pro-ISIS Online Communities // *Journal for Deradicalization*. — 2020. — № 25. — С. 35–74.
14. Macharia S., Barata Mir J. Gender equality and media regulation. — Kalmar: Fojo, Linnaeus University, 2022. — 39 с.
15. Нечаева Н.А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры // *Петербургская социология сегодня*. — 2019. — № 12. — С. 114–133.
16. Дутова Н.В. Гендерные картины мира: сравнительный анализ западной и восточной КГМ // *Вестник Читинского государственного университета*. — 2011. — С. 35–40.
17. Севелова М.А. Маскулинность и фемининность как ключевые категории гендерной теории // *Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова*. — 2011. — № 5–6. — С. 43–47.
18. Сковородников А.П. К определению термина «лингвоцинизмы» // *Мир русского слова*. — 2014. — № 3. — С. 49–54.
19. Новикова Л.А. Аббревиация как феномен межкультурной коммуникации в сети Интернет // *Вестник удмуртского университета*. — 2013. — Вып. 2. — С. 126–133.
20. Давыдов О.Б. Консюмеризм и коммунитаризм: два образа социума // *Гуманитарий Юга России*. — 2016. — Том 21. — № 5. — С. 199–205.
21. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // *Вестник Московского университета*. — Сер. 9. Филология. — 2001. — № 6. — С. 132–149.
22. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ) // *Медиалингвистика*. — 2017. — № 4(19). — С. 70–79.

Balyunis Evgeniia Vladimirovna

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: evakallas@sfedu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2521-1026>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=884502

The female nomination on the basis of marital status in Russian Internet texts: functional and linguo-ecological aspects

Abstract. The article is devoted to the gendered lexical unit which constitutes initial abbreviation derived from the idiom «razvedenka s pricepom» (divorced woman with a child) and is actively used by Russian speaking Internet users to denote a female person on the basis of her marital status. The article describes the history of the appearance of the unit, its derivational and semantical characteristics, semantic and contextual connections and its functioning specifics in the Internet texts. The research is conducted on the material of the author's corpus of the contexts of use including 1 255 speech products published in between 2014 and 2023 in the communicative space of such social platforms as (425 units), vk.com (336 units), YouTube (190 units), Yandex.Dzen (173 units). The author applies the methods of quantitative, semantic, conceptual, derivational, contextual and discursive analyses. The article specifies that the gendered abbreviation is derived from the linguocynical idiom, having been used in the male speech long before the spread of the Internet. The research reveals that the abbreviation use underlines the artifact conceptual metaphor generated by the initial phraseological combination. The divorced mother deanimization is regularly strengthened by the abbreviation's contextual environment. It reveals that 1 175 contexts (93,62 %) contain verbalized speaker's conception of financial aspect in sexual, romantic or family relationship caused by the actualization of consumer strategy in interpersonal interaction and by the ubiquitous consumeristic philosophy. It proves that the use of the innovation RSP is a feature of male Internet users' speech (982 contexts; 78,24 %) and is not typical for female speech (270 contexts; 21,51 %). In female speech the abbreviation carries out primarily the metalinguistic function and much less frequently nominative and evaluative functions. In the Internet texts produced by male persons the nomination not only promotes expressing the divorced mother with a child negative evaluation but also facilitates deconstruction, deaxiologization and desacralization of the concept «Mother». This allows us to qualify the abbreviation as a linguo-perversion which is a special kind of language trauma which represents a speech phenomenon generating the traditional symbol ambivalence and leading towards worldview destruction.

Keywords: gendered Internet discourse; gendered worldview; masculinism; language trauma; linguo-perversion; female nomination; abbreviation